

Андрей Дашков

Хрупкая реальность

КУКЛА

Теплым вечером она гуляла с ребенком в парке. Стояла ранняя осень, и Кристина с наслаждением вдыхала запахи, присущие этой поре, любовалась ковром из опавших листьев, устилавшим газоны и дорожки парка. Между деревьями плыл сизый дым. Горьковатый аромат костров доносился до ее ноздрей...

Кристина смотрела, как ее ребенок играет с другими детьми, останавливается, чтобы поднять с земли охапку желтых листьев, бросить их фейерверком вверх, и радостно смеется, пока они дождем падают на него. Потом она звала ребенка, и они шли дальше, дальше — в самую глубину парка, куда обычно никто из гуляющих с детьми не забредал.

Кристина всегда тщательно выбирала маршрут этих прогулок, высматривая, что за дети играют впереди и в особенности — с чем они играют. Если то, что она видела, ее не устраивало, всегда была возможность вовремя свернуть на одну из боковых дорожек или отвлечь внимание ребенка и вернуться назад.

Но сегодняшний вечер был просто волшебным, и Кристина погрузилась в грезы. Она брела по дорожкам, пропуская эту чудесную осень сквозь себя и думая о тысяче вещей сразу... Ребенок шел за ней, иногда останавливаясь, чтобы поиграть с другими детьми или рассмотреть то, что его интересовало, а интересовало его многое: собаки, гулявшие на поводке; урны, расставленные вдоль дорожек; старики, сидевшие на скамейках; фонари, источавшие в сгущающихся сумерках свет, подобный лунному; узоры из листьев и узоры из теней, лежавшие на тротуарах. Потом ребенок Кристины спохватывался, искал ее взглядом и бежал догонять.

В этот вечер Кристина испытывала одновременно и тихую радость, и одиночество, и щемящую тоску. В какой-то момент она поймала себя на том, что разглядывает мужчин, попадавших ей навстречу. Кристина глубоко вдохнула свежий прохладный воздух и вдруг услышала крик своего ребенка.

Она обернулась, и ее лицо потемнело. Ребенок стоял среди других детей, а у тех была огромная кукла, почти такая же ростом, как сами малыши. Ребенок Кристины с нежностью держал куклу за руку и звал маму. Его взгляд выражал любовь, жажду обладания и мольбу.

Кристина пошатнулась. Она вдруг

почувствовала, что этот вечер закончится плохо, но не смогла бы сказать, откуда у нее появилась уверенность в этом. Ребенок просил у нее куклу.

— Пойдем, — сказала она.

— Мама, подари мне такую куклу, — потребовал ее ребенок.

— Ну хватит. Пойдем, — глухо и строго проговорила она.

— Мама, все дети играют с куклами, — сказал ее ребенок.

Этот аргумент показался ей слишком взрослым. Она внимательно посмотрела на маленькое существо, стоявшее перед ней.

— Качели, — предложила Кристина, уже зная, что все это безнадежно.

— Я хочу куклу, — упрямо сказал ее ребенок.

— Мороженое, — теряя терпение, произнесла Кристина.

— Я хочу куклу, — печально повторил ее ребенок. Его лицо уже исказила гримаса — предвестница будущей истерики.

Ничего нельзя было изменить.

— Пойдем, — сказала Кристина почти со злостью, взяла ребенка за руку и повела домой.

«Я сама во всем виновата. Сама во всем виновата...» — крутилась в ее голове одна и та же неотвязная мысль.

Она вела ребенка к дому и уже не замечала

ничего — ни печальной красоты увядающей природы, ни любимых запахов, ни смутно знакомых лиц. Плач ребенка заставлял ее сердце болезненно сжиматься, но какой-то темный инстинкт требовал, чтобы она оставалась твердой...

Дома ребенок еще долго капризничал и отказался съесть то, что она приготовила на ужин. Но Кристина не могла бы объяснить со всей определенностью даже самой себе, почему она отказывается подарить ему куклу.

Наконец она отвела ребенка в детскую, и после долгих уговоров ей удалось уложить его в постель. Когда он забылся сном, Кристина включила телевизор и долго смотрела невидящим взглядом на тени, мелькавшие на экране.

У ее ребенка было много игрушек. Но среди них не было ни одной куклы.

* * *

Кристина была еще совсем юной, когда умерли ее родители. С тех пор она работала. Работа была неинтересной и тяготила ее, но надо было как-то жить. Ей досталась от родителей квартирка из двух небольших комнат и кухни. Кристина прожила одна несколько лет. Сколько себя помнила, она была одинока. С родителями у нее не было особенной близости, хотя их смерть потрясла

Крестину, но так, как потрясает смерть любое юное существо, совершенно с ней не знакомое.

За время, прошедшее после смерти родителей, она встречалась с несколькими мужчинами, но ни с кем из них не была близка. Ни один не заинтересовал ее достаточно сильно, и она не считала нужным доводить романы до логического конца. Кандидаты в любовники так и остались неразличимыми силуэтами на ее внутреннем горизонте.

У нее было несколько знакомых женщин, которых она зачисляла в разряд приятельниц, но не более того.

Жизнь ее была мучительно однообразной и замкнутой, однако порой Кристина ловила себя на том, что и не хочет никаких перемен. Она не любила шумных компаний, громкой музыки, переездов, слишком жаркого лета и слишком холодных зим. Иногда она с ужасом ощущала убегающее время как песок, просыпающийся между пальцев, который она была не в силах удержать.

* * *

Однажды весной, находясь в отпуске, Кристина бродила по городу и увидела афишу какого-то заезжего кукольного театра. Ветер трепал

листок, небрежно наклеенный прямо на стену, и Кристина была вынуждена придержать его рукой. Театр, судя по всему, был третьеразрядным, но что-то заставило ее зайти в небольшой зал, расположенный в нескольких кварталах от того места.

Она купила билет и в ожидании представления проскучала в фойе, хотя и позволила себе съесть одно из своих любимых пирожных.

Ее место оказалось в первом ряду, прямо перед сценой, и это ей не понравилось. Кристина ощутила какое-то неудобство, словно ее оставили наедине с незнакомцем и почти принудили участвовать в действе, которое было ей абсолютно чуждым.

Спектакль ей тоже не понравился. Куклы показались Кристине довольно реалистичными, но поскольку она думала о чем-то своем, все, что происходило на сцене, было непонятным ей и непредсказуемым. Она рассеянно глядела на смену действующих лиц, их мышиную возню, морщилась от слишком громких реплик, и все это вскоре смертельно наскучило ей...

Она с облегчением вздохнула, когда пьеска закончилась. Вместе со всеми зрителями Кристина несколько раз вяло хлопнула в ладоши.

Потом на сцене появился человек в белом костюме, представивший актеров и сказавший

несколько слов о куклах и своем театре.

Его почти никто не слушал. Зрители начали расходиться. Кристина осталась сидеть в своем кресле, решив подождать, пока схлынет толпа у выхода из зала. От нечего делать она начала слушать человека в белом.

Видимо, обрадовавшись тому, что нашел хотя бы одного благодарного слушателя, человек продолжал говорить, уже обращаясь прямо к Кристине. Он рассказывал что-то о своих куклах, подходя все ближе и ближе, и когда он закончил, то оказался совсем рядом с ней.

— Вам ведь понравилось, правда? — спросил он с нескрываемой надеждой, наклонившись к самому ее лицу и обдав его горячим дыханием.

Кристина почувствовала внезапное отвращение, вскочила на ноги и направилась к уже почти освободившемуся выходу. Человек в белом отшатнулся и крикнул ей вслед:

— Приходите завтра!

Кристина не обернулась. Странно, что он мог подумать, будто ей захочется прийти еще раз в этот скучный балаган.

Но истекли сутки. И следующим вечером Кристина снова стояла возле окошка театральной кассы.

Спустя два дня после случая в парке Кристина возвращалась с ребенком домой. Они провели вечер у одной из ее знакомых. Кристина выпила вина и сейчас была немного навеселе. Ребенок тоже был странно возбужден и часто без причины смеялся. Время от времени Кристине приходилось сдерживать его.

Войдя в коридор, она сбросила туфли и заставила ребенка раздеться, а сама прошла в комнату и зажгла свет. И тут же испуганно вскрикнула.

В кресле, стоявшем в углу, сидела большая розовая кукла. Кукла была раздета, пластмассовые руки и ноги торчали в стороны, бесполое тело опиралось о спинку кресла, голова была неестественным образом наклонена вперед.

Кристине стало страшно. Она настороженно обошла квартиру, едва сдерживаясь, чтобы не позвать кого-нибудь из соседей. Конечно же, в квартире никого не было, да и не могло быть. Все осталось по-прежнему, за исключением этой проклятой куклы...

Тем временем в комнате появился ребенок и с радостным криком бросился к вожденной игрушке. Но Кристина опередила его. Она схватила куклу за волосы и подняла высоко над собой.

Ребенок закричал.

В каком-то трансе Кристина рассматривала куклу. Та была далеко не новой, кое-где потертой, два раскрашенных глаза были полузакрыты пластмассовыми веками с длинными ресницами, жесткие волосы какого-то неопределенного цвета кольцами закручивались на непропорционально большой голове.

Суеверный ужас вызывала у Кристины не сама кукла, а ее необъяснимое появление в квартире. Если это шутка или розыгрыш, то кто был способен на *такую* шутку? А ведь для этого еще нужно было проникнуть через запертую дверь! Не говоря уже о том, что никто, кроме, может быть, одного человека, не знал о ее маленькой жутковатой тайне — причине того, что среди игрушек ее ребенка не было кукол...

А ребенок исходил криком. Кристина очнулась, швырнула куклу в коридор, схватила ребенка, усадила на диван и принялась, как могла, успокаивать его, держа за руки. Она говорила что-то о чужих игрушках, которые они, конечно же, не могут взять, о том, сколько разных интересных штук существует в мире, о завтрашней прогулке, но все оказалось тщетным. Ребенок был по-детски упрям и безутешен.

Осознав бесплодность своих усилий, Кристина оттолкнула его, взяла куклу и, набросив пальто, выбежала во двор.

Контейнеры для мусора, стоявшие около глухой кирпичной стены, были наполовину пусты. Она бросила чертову куклу в один из них и накрыла контейнер металлической крышкой. Потом постояла немного возле подъезда, глядя на луну, висевшую над крышами. Из окон ее квартиры доносился тихий плач ребенка...

Кристина нащупала в кармане давно забытую пачку сигарет, достала одну и закурила. Впервые за много-много дней.

Страх свил себе гнездо где-то в глубине ее существа и с тех пор уже не покидал ее.

* * *

После четвертого спектакля, который посмотрела Кристина, человек в белом пригласил ее на прогулку. Сейчас она уже не помнила ни того, где именно они тогда побывали, ни того, о чем говорили. Даже его лицо она теперь помнила очень смутно.

Но в те дни они видели друг друга почти каждый вечер.

Гастроли театра продолжались два месяца, ее новый друг готовился к отъезду, и к концу второго месяца знакомства Кристина оказалась с ним в постели.

После она не могла понять, как такое могло

произойти. Но те два месяца были похожи на безрадостный в общем-то сон, в котором события текут вяло, все зыбко и происходит словно не с тобой. Отчетливо она помнила лишь кошмар их последней ночи...

Как-то вечером, когда они сидели в кафе, он вдруг сказал, приблизив свое лицо к ее лицу и снова обдав ее слишком горячим дыханием:

— Если у тебя будет ребенок, пусть он никогда не прикасается к куклам!

Эта нелепая фраза была сказана убежденным и мрачным тоном, со странной гримасой, которую Кристина разглядела в полумраке. Почему-то она запомнила эти слова навсегда. Он увидел, что сказанное дошло до нее, зацепило нервы, засело в подсознании, и удовлетворенно улыбнулся. То ли от игры света и теней, то ли еще от чего, Кристине этот оскал показался настолько зловещим, что она невольно вздрогнула.

(Она не могла объяснить самой себе, почему это абсурдное требование так поразило ее и так врезалось в память. Но предчувствие того, что непослушание повлечет за собой что-то очень нехорошее, было настолько сильным, что с тех пор она всегда неукоснительно следовала совету, больше похожему на предупреждение или приказ.

По той же причине ее ребенок большую часть времени проводил у одинокой вдовы, которой

Кристина платила из своих скромных средств. Женщине было строго запрещено только одно: давать ребенку играть с куклами.)

...После кафе они вместе отправились домой к Кристине. Она уснула в полночь, и во сне ей вдруг стало душно и нестерпимо тяжело. Она вся напряглась, желая сбросить с себя эту тяжесть, а когда проснулась в холодном поту, то с ужасом обнаружила, что на ней что-то лежит — именно «что-то», большое, как человек, но слишком холодное и куда более легкое.

Дрожащей рукой Кристина дотянулась до кнопки и включила торшер, стоявший у кровати. При свете, который показался ей ослепительным, она увидела, что ее придавила огромная кукла мужчины из гладкой розовой пластмассы. На неживом лице была застывшая улыбка.

Со страшным криком, теряя сознание, Кристина оттолкнула куклу от себя, и та упала куда-то вниз, но перед тем как все вокруг померкло, девушка успела заметить, что кукла является точной копией мужчины абсолютно во всем, до мельчайших деталей.

* * *

Когда Кристина проснулась утром, в квартире никого не было. Человек в белом, видимо, уехал ночью. Кристина так никогда и не узнала,

приснилось ли ей все то, что было связано с куклой, был ли это кошмар, навеянный пьесами заезжего театра и разговорами о марионетках, галлюцинация или же странная, необъяснимая реальность.

Спустя несколько дней все случившееся стало казаться ей далеким и не слишком важным, а потом уже не было смысла думать об этом.

Еще через три недели Кристина поняла, что беременна, и долго не испытывала ничего, кроме смятения и страха. Она не знала, что делать, а потом решила: почему бы и нет? И все вроде бы стало проще. Но только на некоторое время.

О своих отношениях с владельцем кукольного театра Кристина вспоминала редко. Она никогда больше его не видела.

* * *

Утром контейнеры с мусором вывезли. Кристина вздохнула с облегчением, наблюдая в окно за поблескивающими в тумане красными фонарями удаляющегося грузовика.

К вечеру следующего дня воспоминания о происшествии с куклой изгладились из памяти ребенка, и сама Кристина почти перестала думать об этом.

А спустя еще два дня кукла снова появилась в ее доме.

Они возвращались с прогулки в глубоких сумерках. Кристина почувствовала неладное, как только вошла в квартиру. Ребенок болтал о чем-то за ее спиной. Она зажгла свет и коснулась затылком стены.

В кресле, опираясь на спинку, сидела кукла. Но на этот раз у нее не оказалось ног. Там, где они должны были крепиться к туловищу, зияли два отверстия.

Кристина не могла сообразить, та ли это кукла, которую она выбросила, или же другая. Первой ее мыслью было попросить кого-либо о помощи, но потом, несмотря на страх, она поняла, что в этом деле ей никто не поможет.

...Все повторилось сначала — плач, уговоры, истерика. Вторая кукла последовала вслед за первой. А наутро, одевая ребенка, Кристина почувствовала, что обе его ноги холодны как лед.

Охваченная ужасом, она потрогала лоб ребенка. Нормальная температура. Во всем остальном ребенок выглядел совершенно здоровым — она могла бы поклясться в этом. Да и сам он вел себя как обычно и ни на что не жаловался.

Последующие два дня она внимательно следила за его состоянием, но никаких признаков

болезни так и не заметила. Смутная тревога, однако, уже не покидала ее. Теперь она знала почти наверняка, что зловещая кукла появится снова, и дала себе слово сделать все, чтобы помешать этому.

Оба раза куклу подбрасывали в ее отсутствие, и поэтому Кристина решила несколько дней не выходить из дома. Она взяла двухнедельный отпуск, запаслась продуктами и одним холодным октябрьским вечером наглухо заперла дверь своей квартиры.

* * *

Страх лишил ее сна. Теперь ночами она почти не спала и сидела в гостиной, уставившись бессмысленным взглядом в телевизор и прислушиваясь к тихому дыханию ребенка. Она боялась включать свет — ей казалось, что ужас гнездится во всех темных углах квартиры. Порой она засыпала от усталости, словно проваливалась в черную яму, но что-то снова будило ее. Она просыпалась, вздрагивая, и принималась испуганно озираться по сторонам...

Так прошло еще трое суток. Днем Кристина смотрелась в зеркало и с тоской осознавала, насколько все это измучило ее. Глаза, казавшиеся огромными, горели лихорадочным огнем на бледном осунувшемся лице. Погруженная в

сомнамбулическую отстраненность, она медленно бродила по квартире.

На четвертую ночь она забылась тяжелым сном, сидя на диване перед телевизором. Было что-то около часа пополудни. Экран мерцал голубоватым светом, а по потолку скользили отблески фар изредка проезжавших мимо дома машин. Дыхание ребенка вдруг стало прерывистым и шумным, но Кристина уже не слышала этого.

Через некоторое время она вздрогнула и очнулась. Медленно, очень медленно она повернула голову в сторону кресла. Оно тонуло в глубокой тени в углу комнаты, но луч света вдруг упал на него, и тогда Кристина тихо, почти по-собачьи завывала.

В кресле сидела кукла. Вернее, теперь это было только туловище с головой. Голова все так же нелепо склонялась вперед.

* * *

Ребенок кричал во сне. Его крики становились нечеловеческими; непонятно было, боль это или ночной кошмар.

Кристина бросилась в спальню. Ребенок метался на кровати, его лицо и грудь покрылись испариной. Простыня оказалась влажной. Когда мать склонилась над ним, он судорожно вцепился

руками в ее шею. Новое, не испытанное ранее ощущение поразило ее, как удар током, — его руки были ледяными...

Только через час Кристина сумела успокоить ребенка и немного успокоилась сама, если ее состояние можно было назвать покоем. Ей казалось невероятно трудным дотронуться до куклы, но она не могла ждать до утра и пересилила себя. Кристина взяла игрушку за шею и вынесла на улицу.

На дворе стояла промозглая осень. Во всем доме светилось только окно ее спальни. Почти на ощупь она нашла контейнер для мусора и бросила в него куклу. Однако и теперь не испытала облегчения.

На ней был только легкий плащ, но Кристина чувствовала, что вся горит. Она поднесла к лицу левую руку. Рука была липкой и неестественно белой. Тонкие пальцы мелко дрожали.

* * *

Кристина утратила ощущение времени. Дни и ночи слились в один черно-серый поток. Мир, который раньше был реальным, теперь оставался где-то на периферии ее сознания. Автоматически она готовила еду, умывала и кормила ребенка, делала другие привычные вещи, покорившись

установленной закономерности, и уже почти с нетерпением ждала конца. Любого конца, который избавил бы ее от страданий и неотвязного страха, расплзавшегося по внутренностям.

Никаких мыслей не осталось в ее голове. Только шум — слабый, но неумолимый шум. В нем, как в густом киселе, увязали все попытки Кристины разобраться в том, что происходит вокруг.

* * *

Прошло неизвестное ей количество суток.

Она не испытала никаких новых чувств, когда однажды ночью обнаружила в кресле голову куклы. Голова утопала в нем, словно яйцо чудовищной птицы в мягком и теплом гнезде. Веки были опущены.

Когда Кристина взяла голову в руки, веки приподнялись, и на нее неподвижно уставились два голубых глаза. Ей показалось даже, что голова издала какой-то звук, похожий на тот, который издают куклы, когда их кладут на спину, но теперь Кристина ни в чем не была уверена.

Она унесла голову подальше от дома, бросила в помойную яму и смотрела, как голова покатилась по грязи, покрываясь коричневой коркой...

Дома она стала свидетелем нового приступа

загадочной болезни, поразившей ее ребенка. Можно было подумать, что его мучает жестокая лихорадка: глаза почти вылезали из орбит, слюна двумя тонкими струйками стекала по обе стороны рта — но все тело оставалось мертвенно-холодным и на ощупь напоминало металлическую статую.

В ту ночь Кристина уснула рядом с ребенком, пытаясь согреть его окоченевшие члены. Сама она испытывала холод и тоску, каких не знала никогда раньше...

Ночью ей приснилось, будто она замурована в подземелье, с потолка которого капает ледяная вода.

* * *

Спустя несколько дней, вечером, какая-то неодолимая сила толкнула ее к креслу. Она стала на колени и медленно разгладила складки ткани.

На темно-синем, почти черном бархатном фоне покоился, словно редкостный драгоценный камень, прозрачный голубоватый глаз.

Внезапная дьявольская злоба охватила Кристину. Одновременно в ней родилась надежда на то, что, может быть, это и есть долгожданный, хотя и неизвестный конец...

В бешенстве она схватила глаз. Он был теплым, скользким и немного липким, как тельце

улитки. Кристина с омерзением перехватила его пальцами другой руки.

Ребенок разрывался от крика у себя в комнате. Она заметалась по квартире, словно дикое животное в захлопнувшейся клетке. Непрерывные завывания ребенка сводили ее с ума. Уже совершенно себя не помня, она схватила совок для мусора и выбежала во двор.

Земля была влажной и маслянисто поблескивала при свете, падавшем из окон. Когда Кристина бросила глаз в наспех вырытую ямку, его блеск стал неотличим от блеска дождевых капель. Всхлипывая и вытирая лицо руками, она завершила погребение.

Однако что-то было не так. Ее поразила наступившая вдруг тишина. По-прежнему лил дождь, был слышен слабый городской шум, вдали громыхал поезд — но крики ребенка внезапно стихли, и это казалось странным и жутким.

Чьи-то холодные пальцы пробежали по спине Кристины. Она даже не заметила, что выскочила на улицу в одном халатике. Теперь он был насквозь мокрый. Дождевые капли текли по ее лицу, смешиваясь со слезами. Но тишина, тишина в ее квартире — это едва не лишило ее рассудка, пока она шла к дому и поднималась вверх по лестнице...

Невыразимое предчувствие заставило ее замедлить шаг у двери детской комнаты. Дверь

открылась с протяжным скрипом. В комнате было совершенно темно. Кристина подошла к кровати и нащупала рукой лампу.

Когда кровать озарилась тусклым светом, она увидела, что ребенок лежит, накрыв голову одеялом. Очень медленно Кристина потянула одеяло на себя.

Ужас приковал ее к месту.

На кровати лежала огромная розовая кукла размером с ее ребенка. Пухлые красные губки были сложены в застывшую слащавую улыбку. Одно пластмассовое веко было закрыто, а из-под другого, влажно поблескивая, в упор глядел на Кристину человеческий глаз.

Ноябрь 1991 г.

ТАКСИДЕРМИСТ

Таксидермия — изготовление чучел животных.

Толковый словарь

К вечеру настроение у нее было паршивое — дальше некуда. Почти весь день она провела на кладбище под морозящим дождем, среди чужих людей, имена которых сразу же забыла. Фигуры из черного картона, лоснящиеся и мрачные... Лица

она забыла тоже — на всех была написана одинаковая вселенская скорбь. Но не всегда. Позже она заметила, что мужчины скользят взглядами по ее ногам. Если совсем честно, это было приятно.

...Крышка гроба покрылась искрящимся узором из дождевых капель. Когда в яму с глухим стуком упали первые комья жирной черной земли, Лидия поймала себя на том, что совершенно равнодушна к этой смерти. Она оказалась здесь от скуки. Недавно ей пришло в голову, что развлечься можно было бы иначе. Но не всегда выбираешь лучшее, а уж веселое — совсем редко...

Она замерзала в слишком тонком платье, однако до конца доиграла свою роль. Может быть, ей просто было лень что-либо менять?..

К концу ритуала жизнь казалась такой же нелепой, как и смерть. Если не считать сиюминутных желаний. Тогда, например, Лидия испытывала острое желание выпить.

* * *

Позже она осуществила свою мечту в одном из второсортных баров, в котором никогда прежде не бывала.

Первая же рюмка начала возвращать ее к жизни. Лидия наслаждалась теплом, растекавшимся по телу, и думала о том, как все-таки мало надо

сделать с человеком, чтобы он почувствовал себя почти счастливым: сначала заморозить, а затем слегка отогреть...

Потом к ней подсел мужчина с красивым и гладким, как у младенца, лицом. Несколько раз они выпили вместе. После третьей рюмки Лидия сбилась со счета... Она играла со своим новым знакомым в опасную игру, основанную на одном проклятом свойстве человеческой природы — противоестественном стремлении к плохим концовкам.

Ей очень хотелось посмотреть, чем же все закончится. Это был чистый, почти академический интерес, не омраченный ничем, даже возжелением. Ничем, кроме нескольких выпитых рюмок.

И она увидела...

* * *

«Ах ты, безмозглая тварь!», — подумала она о себе, когда вынырнула из забытья, вызванного алкоголем или еще черт знает чем, и протрезвела настолько, что испугалась наконец человека, сидевшего перед ней.

— Ну что ты, милая? — спросил он, словно прочел ее только что зародившиеся мысли. — Что-нибудь не в порядке?

— Все в порядке... — сказала она рассеянно,

пытаясь выдавить из себя улыбку, и сама почувствовала, что улыбка получилась похожей на болезненную гримасу.

— Выпьешь еще? — Предложив ей это, он погладил чучело своей любимой кошки, стоявшее на столике у кресла.

Лидия отрицательно замотала головой и подумала, не издевается ли он над ней. Пока он любовался одним из своих чучел, она воспользовалась паузой и попыталась вспомнить, где он ее подцепил. В баре? Или прямо на улице? Наверное, все-таки в баре... Как он себя называл? Таксидермист? Мать божья, язык можно сломать!..

Раньше ей казалось, что он просто выделяется. Ох уж эти проклятые умники! Она надеялась, что этот, по крайней мере, будет хорошо с ней обращаться. И ей действительно не на что было жаловаться. Пока. Впрочем, многого Лидия уже не помнила.

* * *

Зато она хорошо помнила шок, охвативший ее при виде огромного роскошного дома, возле которого он расплатился с таксистом. Еще она помнила, как порвала платье, выходя из машины, и едва не заплакала от обиды, хотя была уже очень

пьяна.

— Не нужно расстраиваться, милая, — сказал он тогда вкрадчиво. — Главное, что осталось целым твое тело...

Там, на тротуаре, Лидия ответила какой-то двусмысленной шуткой, но сейчас она не могла понять, почему не убежала, не уехала, не позвала на помощь, наконец? Ведь дурное предчувствие, охватившее ее, было настолько острым, что прокололо плотное облако тумана, окутавшего сознание после восьми (примерно) выпитых рюмок.

«Красивый, сукин сын», — думала Лидия, разглядывая профиль таксидермиста и холеную руку с изящными пальцами, гладившими мертвую шерсть. Даже слишком красив для того вонючего бара, в котором она оказалась после похорон.

О черт, а кого же она хоронила? Ага, второго мужа своей подруги, погибшего в автокатастрофе. «Ничего, найдет себе третьего», — решила Лидия со злостью. Злилась она на саму себя. Интересно, что она уже успела рассказать этому гладколицему красавчику? Впрочем, какая разница...

Лидия поправила волосы и провела по небу кончиком языка. Небо было горячим и шершавым. «Алкоголичка», — вынесла она себе приговор, который еще подлежал пересмотру.

— Хочешь послушать музыку? — спросил он внезапно.

Она не расслышала. Ее взгляд выразил недоумение.

— Я спрашиваю, музыка тебе не мешает?

Она кивнула, подумав, что выглядит, наверное, как полная идиотка.

Таксидермист встал и направился к проигрывателю.

...Становилось даже как-то скучно. Все шло в соответствии с избитой программой. Если забыть об остальном. Это «остальное» таилось пока в закоулках ее памяти, но уже давало знать о себе, изредка всаживая в ее мозг ледяные иголки страха.

«Я знаю все, что он скажет в следующую секунду», — подумала Лидия со странным торжеством. Однако она ошибалась.

Тихо заиграла музыка. Против обыкновения, не Нил Даймонд и не Джони Митчелл. Акустические системы, скрытые в обшитых тканью стенах, наполнили комнату глубоким прозрачным звуком. В звуке Лидия немного разбиралась. Этому научил ее бывший любовник.

Музыка показалась ей смутно знакомой. Струнный квартет. Где она могла его слышать?.. С видом человека, который умеет проигрывать пари, заключенные с самим собой, она отхлебнула из высокого бокала, стоявшего перед ней на стеклянном кубе, и поморщилась. То ли от

выпивки, то ли от заунывных звуков струнного квартета.

* * *

О господи, ну и скука!.. Ей хотелось зевнуть, не прикрывая ладонью рта, чтобы вывести из себя этого самовлюбленного болвана, сидевшего перед ней...

И вдруг она вспомнила. Вспомнила все, что произошло, начиная с того момента, когда за ней захлопнулась входная дверь, и заканчивая той секундой, когда в ее голове родилась первая относительно трезвая мысль. Иголочки страха превратились в ледяную глыбу, плавающую в темном озере ее неясных ощущений.

* * *

Смеясь и спотыкаясь, Лидия поднималась по высокой полутемной лестнице. При этом она опиралась на сильную уверенную руку таксидермиста, введившего ее в свой дом.

Наверху, по обе стороны лестницы, она увидела два темных силуэта на внушительных каменных постаментах. Вначале эти неясные тени показались ей какими-то языческими идолами. Но идолы были всего лишь чучелами огромных черных

догов. Сидящие собаки выглядели поразительно живо. Лидия отшатнулась, не поверив даже в их мертвую неподвижность. Таксидермист засмеялся.

— Не бойся, дорогая. В отличие от живых они совершенно безопасны.

Он погладил одно из чучел. Его тонкие белые пальцы на фоне черной шерсти выглядели отвратительно, как лапки паука-альбиноса.

— Не правда ли, они прекрасны? — спросил он из темноты. Глаза его блестели. — Красота, остановленная во времени... Они никогда уже не сохнут и не сгниют. И никогда не примут непривлекательных поз. Они красивы даже сзади. К тому же у чучел нет гениталий...

Лидия пошатнулась и вынуждена была опереться рукой на одну из собак. Таксидермист бросился к ней и помог принять вертикальное положение.

— Аккуратнее, детка! — сказал он тихо. В его голосе сквозила сдерживаемая ярость. — Это были мои любимые собаки. Я так любил их, что не мог смириться с мыслью о такой неэстетичной вещи, как смерть. Или старость. И я не стал ждать...

Несмотря на опьянение, Лидия почувствовала более чем неприятный запах, исходивший от чучел.

— Н-ну, мы так и будем здесь стоять? — осведомилась она, испытывая на прочность тонкие высокие каблуки своих туфель.

— Что ты, моя прелесть! — Он улыбнулся белозубой улыбкой, словно взятой напрокат из рекламы зубной пасты. Или врача-протезиста.

«До чего же гладкая кожа! — с завистью подумала Лидия. — Мне бы такую кожу лет через двадцать...»

— Ты очень красива, детка, — сказал вдруг таксидермист задумчиво.

* * *

Они вошли в гостиную. Конечно, кроме всего прочего, это было царство чучел. Но и мебель стоила столько, сколько Лидия не смогла бы заработать честно за всю свою жизнь.

Модернистские картины на стенах и сюрреалистические предметы, подсвеченные невидимыми источниками. Та же мертвая неподвижность. Островки холодного электрического света...

— Неплохо, — заявила Лидия и полезла в сумочку за сигаретой. — Ты вроде при деньгах?

Он снисходительно усмехнулся и дал ей прикурить, щелкнув золотой зажигалкой.

— Ты не поверишь, дорогая, если я скажу тебе, сколько богатых людей не могут смириться с необратимостью смерти. У всех рано или поздно умирают любимцы. Я возвращаю своим клиентам

их любимые игрушки. Меня можно назвать перевозчиком с того света...

Лидию передернуло.

— Да ведь они набиты тряпьем! — сказала она резко и тут же пожалела об этом.

Таксидермист изменился в лице. Несколько долгих секунд в воздухе висела напряженная тишина. Потом он разжал побелевшие губы.

— Они лишены недостатков, присущих живым. Например, тупости. Или возможности убежать... от своего хозяина. Они не предадут и всегда останутся под рукой...

* * *

В знак примирения они выпили еще по бокалу. Черт, что же она все-таки пила? Лидия помнила только, что это было вкусно и очень хотелось еще...

Она сбросила туфли и босиком прогулялась по огромному серому ковру с длинным ворсом. В глубине комнаты, среди африканских масок, она увидела чучело попугая. Его оперение переливалось тончайшими оттенками изумрудного, фиолетового и розового цветов...

Лидия вздрогнула, почувствовав чье-то дыхание на своем затылке. Таксидермист неслышно подошел сзади и остановился у нее за спиной.

Увидев, что она испугалась, он улыбнулся и перевел взгляд на чучело попугая.

— Бесполезен, — сказал он. Скорее всего, это относилось к попугаю. — Настоящее произведение искусства... Он раздражал меня своими криками. И еще он был слишком подвижен.

Таксидермист коснулся пальцами нежнейшего оперения.

— Разве *этим* можно было любоваться, когда он был жив? Он заставлял меня страдать, оттого что не давал насладиться своей красотой...

Неизвестный напиток размягчил волю Лидии настолько, что она стояла и покорно выслушивала этот бред. Ей стало даже немного интересно. В реальной жизни извращенцы попадались ей крайне редко. В фильмах, которые она иногда смотрела по видею, их было гораздо больше...

Она выпустила из ноздрей дым и почувствовала, что сигарета скоро обожжет ей пальцы.

— А это? — спросила Лидия дрогнувшим голосом и показала пальцем, отставленным от остальных, будто ствол револьвера, на большого питона, навеки застывшего перед клеткой с парой каких-то экзотических птиц.

— Ах, это! — радостно воскликнул таксидермист и захохотал. — Я называл его... Впрочем, это неинтересно. Он все время охотился за

бедными глупенькими птичками... Теперь он больше не охотится...

— Но и птички больше не поют. — Лидия выдавила из себя весь сарказм, на который еще были способны ее затуманенные мозги.

— Потрясающе! — Таксидермист смотрел на нее так жадно, что ей стало не по себе. — А вы, оказывается, остроумны, моя дорогая! Это большая редкость... в вашем положении.

Лидия не заметила, когда он перешел на «вы». Вдруг он показался ей гораздо более старым, чем можно было предположить, глядя на его лицо и тело. Лидия чувствовала себя так, словно разговаривала со смертельно опасным стариком-маразматиком, нацепившим на себя маску вечной молодости.

Ее начинало тошнить от спертого воздуха полутемных комнат и затхлого запаха чучел. Кроме того, ее пугал весь этот огромный дом, набитый пыльными мертвецами, единственным живым обитателем которого был красивый человек с вкрадчивыми манерами и странной профессией. Но и его красота уже внушала отвращение.

* * *

У Лидии больше не было сил сдерживаться.
— Где туалет? — спросила она отрывисто,

борясь с тошнотой.

Таксидермист понимающе подмигнул и дал знак следовать за собой.

...Ей казалось, что они целую вечность шли по темному извилистому коридору. «Лишь бы не испортить ковры этому придурку... — думала она все время. — Хотя почему бы нет? Еще немного — и я с собой не справлюсь... Черт меня возьми, что же все-таки я пью?!..»

Обойдя половину земного шара, она очутилась перед вожделенной дверью. Ей было так плохо, что все остальное казалось совершенно неважным.

Вспыхнул яркий свет. Вокруг был холодный гладкий кафель и твердые острые углы, на которые было бы страшновато падать.

Лидия склонилась над ослепительной белой раковиной, и ее наконец-то вырвало. Медленно, с громадным облегчением, она подняла голову и громко застонала сквозь сцепленные зубы.

В зеркале отражалось стоящее в нише возле ванны чучело огромной гориллы. На морщинистом лице обезьяны застыла глумливая и одновременно угрожающая гримаса.

Лидию передернуло от неприятного запаха, коснувшегося ее ноздрей. Белая комната закружилась перед глазами, превращаясь в снежную пелену, за которой не было ничего, кроме

мертвой пустоты. «Кажется, с меня хватит», — промелькнуло в ее голове, и Лидия погрузилась в темное облако беспамятства.

* * *

И вот теперь он гладил чучело своей любимой кошки, а Лидия оцепенело смотрела на него, не испытывая ничего, кроме страха, и ощущая лишь горьковатый привкус желчи во рту. Она вспомнила, что не видела даже своего отражения в зеркале ванной комнаты. Если она выглядит хотя бы наполовину так же дерьмово, как чувствует себя... Лидия попыталась на ощупь установить, что представляет собой ее прическа. Свою сумочку она даже не пробовала искать...

— Вы мне очень нравитесь, дорогая, — заявил вдруг таксидермист. — Временами вы просто неотразимы!.. В знак моего особого расположения я покажу вам кое-что интересное. Прошу в спальню.

«Ага, ну конечно, как я могла забыть!» — подумала она и даже испытала нечто вроде облегчения. По крайней мере, этот номер программы был ей хорошо известен. Ситуация показалась ей предсказуемой и почти банальной.

Лидия с трудом поднялась и послушно направилась в спальню.

Проходя через одну из комнат, она увидела

коллекцию холодного оружия, но ощущала такую слабость во всем теле, что не подняла бы сейчас и рюмки. Таксидермист постоянно находился рядом, поддерживая ее за локоть.

В полутемной спальне, кроме большой низкой кровати, Лидии бросились в глаза чучела двух голубых ангорских кошечек и кролика с длинной волнистой шерстью.

— Любимые твари моей жены, — равнодушно объяснил таксидермист и включил верхний свет. — А вот и она сама, моя красавица, моя девочка, мой последний шедевр! — Его голос потеплел, в нем прозвучала неподдельная нежность.

Смысл этих слов еще не дошел до сознания Лидии, когда она заметила в углу спальни неподвижную женскую фигуру в лиловом полупрозрачном одеянии.

— Вы первая, кто видит это, кроме меня, — с благоговением произнес таксидермист и посмотрел на Лидию так, словно позволил ей приобщиться к великому таинству.

— О господи, нет! — прошептала она, когда до нее дошло наконец, что это вовсе не патологическая шутка. Лидия долго с ужасом смотрела на таксидермиста, не в силах оторвать взгляд от его лица, озаренного внутренним светом. Потом, вздрагивая от омерзения, медленно повернула голову в сторону чучела его жены.

Наверное, та действительно была при жизни красивой женщиной. Длинные светлые волосы и сейчас выглядели вполне естественно, но глаза оказались тусклыми и безжизненными. Потом Лидия поняла, что это всего лишь стекла.

Таксидермист подошел к чучелу и медленно раздел его, пока их взглядам не предстала ничем не прикрытая нагота. После этого он стал жадно гладить неподвижное тело, по-видимому, возбуждаясь.

Зрелище было настолько отвратительным, что у Лидии потемнело в глазах и закружилась голова. Чтобы не упасть, она медленно опустилась на кровать. Сквозь незримую ватную стену до нее доносились голос таксидермиста и далекая музыка из гостиной.

Ей было противно, но она не нашла в себе сил сопротивляться, когда он начал раздевать ее под звуки струнного квартета и овладел ею тут же, перед чучелом своей жены, навсегда оставшейся привлекательной и молодой.

Потом они опять пили что-то сладкое, вызывавшее приятную истому. Теперь Лидия делала это, чтобы забыться.

И она действительно забылась. Последнее, что она видела, было уже за гранью, разделяющей реальность и кошмар: серые стеклянные глаза жены таксидермиста, смотревшие на нее с испугом и

бесконечным сожалением.

* * *

Она очнулась и обнаружила перед собой незапятнанную стерильную белизну. Когда ее зрение сфокусировалось, она поняла, что видит потолок. Лидия попыталась встать, но ей не удалось сделать это. Ее руки и ноги были крепко привязаны к чему-то, весьма напоминающему хирургический стол. Этот стол был холодным и твердым. Пластик и нержавеющая сталь... Вдобавок кожаный ремень перехватывал ее шею и почти не давал возможности поднять голову.

Однако ей этого уже и не хотелось. Ужас парализовал ее. Крик захлебнулся в горле, так и не родившись. Лидия поняла, что здесь ее никто не услышит.

Зато она вновь слышала музыку, звучавшую издалека, — ту самую, которая сопровождала ее весь вечер. Лидия вспомнила наконец, откуда ей знакома эта музыка. Она много раз слышала ее в детстве в доме своего отца. Квартет назывался «Смерть и Девушка»...

Ничего трагического не было в этой музыке. Она даже придавала бы происходящему оттенок дешевой мелодрамы... если бы не холодная твердая плоскость, которую Лидия ощущала спиной, и

ремни, болезненно врезавшиеся в кожу.

Она услышала тихие скользящие шаги и повернула голову, боясь смотреть на то, о чем уже догадывалась. Но увидеть ей все-таки пришлось.

Эта комната была чем-то средним между операционной и мастерской. Нестерпимо блестели хирургические инструменты. Их блеск вонзался в зрачки, а кошмарное предчувствие вонзалось в душу.

Но самое жуткое зрелище ожидало Лидию, когда она опустила глаза. В углу комнаты стояли незаконченные чучела двух маленьких девочек. На лице одного из них застыла улыбка; на втором кожа вообще не была еще натянута и отвисала, собравшись в складки.

Отчаяние высушило глаза Лидии. К ней приблизилось улыбающееся лицо таксидермиста.

— Мои любимые дочери, — сообщил он шепотом, словно кто-нибудь еще в этом доме мертвых мог его услышать. — Не правда ли, они очаровательны в этом возрасте?..

Он погладил по голове чучело с натянутой кожей. В его глазах промелькнул восторг человека, сотворившего очередной шедевр. Восторг, который не с кем было разделить. Пальцы таксидермиста пробежали по нежной детской коже.

Потом он взял что-то со стола и неслышными шагами вернулся к Лидии. На его лице было

написано участие и живой интерес к происходящему. Он сказал тихо и вкрадчиво:

— Я вижу, моя дорогая, что вы уже совершенно пришли в себя. Открою вам маленький профессиональный секрет. Я всегда делаю чучела из м-м-м... живых объектов.

Он медленно поднял руку со сверкающим скальпелем.

До этой секунды глубоко в сознании Лидии еще теплилась надежда на то, что все это просто чудовищный фарс, который должен вот-вот прерваться. Она была готова заплатить за этот вечер унижением, даже смертельным испугом, если *это* доставит ему удовольствие, но умереть после всего, что с ней произошло, было против любых правил.

Смерть делала абсурдным жестокий спектакль, но любая вещь, даже самая дикая, когда-нибудь случается на самом деле. И тогда она уже не кажется случайностью...

В своем доме таксидермист сам был и режиссером, и актером, и зрителем. Ему не хватало только декораций.

Замкнутое, замороженное безграничным отчаянием жертвы пространство операционной стало склепом, в котором Лидия была похоронена заживо. Здесь уже не существовало мыслей, как не существовало больше надежды. Только плоть и

крики животного, попавшего в ловушку безысходности...

Звуки «Смерти и Девушки» заглушали все.

«Почему я?!» — вопило все ее существо, хотя ничего нельзя было изменить. Лезвие скальпеля, холодное, как зимняя луна, и жаждущее теплой крови независимо от направлявшей его воли, неумолимо приближалось к ней, а где-то за ним плавало улыбающееся лицо, словно отлитое из розовой пластмассы...

Это было хуже, чем неизбежность. И гораздо хуже, чем смерть.

— Вы будете прекрасно смотреться в моей спальне, дорогая, — прошептал таксидермист с выражением величайшего эстетического блаженства на красивом, гладком, почти кукольном лице.

И сделал первый надрез.

Январь 1993 г.

АКВАРИУМ С ЗОЛОТЫМИ РЫБКАМИ

1. Колдун Бо

Он появился в самую глухую пору осени, в

середине холодного черного ноября, и купил безвкусный, но просторный особняк из тех, что приобретают нувориши. Месяц он жил тихо, а потом, подобно растекающейся смоле, по городу поползли слухи. Он окутал свое прошлое пеленой таинственности, окружил свое настоящее мистическим ореолом и претенциозно называл себя колдуном Бо, однако обыватели были сражены наповал. Один школьный учитель обнаружил, что слово «Бо» означает двадцать третью гексаграмму «Ицзин» — «Разорение». Верхняя черта гексаграммы обещала награду благородному и разрушение дома ничтожного...

Он вторгся в сонный провинциальный городок, как штормовой ветер врывается в затхлую комнату через распахнутое окно, разбрасывая бумаги и задувая свечи, но не разбудил его, а вызвал к сумеречной жизни болезненные вспышки между кошмарами, приступы страсти, кровавые ритуалы, древних демонов, доисторический страх. Мирные обыватели теряли заплывший жиром ум, когда он показывал им всего лишь краешек своего товара, малую часть того, *чем* они могли бы стать, если бы имели смелость жить по его законам. Он понемногу отравлял их тонкими намеками, надеждой на невозможные вещи и вполне реальной злобой. Он продавал зелья на любой вкус, несравнимые с химическим дерьмом цивилизации;

он оживлял кладбищенские слухи и реанимировал любимых вдовьих котов. Он был катализатором смерти, колдуном в ужасном и тревожащем смысле слова; он заставлял робкие человеческие сердца сжиматься в предвкушении нездешних чудес и открывал им их собственную бездонную пустоту, в которую можно было падать целую вечность.

Он нес в себе разрушение уже разрушенного, разбивал уже разбитые зеркала, червем вползал в уже испорченные плоды, топтал уже треснувшую скорлупу. Однако никто не догадывался об этом, кроме него; он имел дело с неизлечимыми слепцами.

Никто не знал и о том, зачем он это делал. Скука иссушила его черное сердце. Его жестокость и холодность были беспредельны, преступлениям не было числа, но здесь есть место для описания только одного из них, далеко не самого жуткого.

2. Виктор

Женщины, эти проклятые самки, богатые и бедные, скользили мимо; он смотрел на них из окна какой-то забегаловки и ненавидел всех и каждую в отдельности за то, что они не принадлежали ему. Они оказывались в постелях в сотню раз более ничтожных типов, чем он сам, — уродливых, будто смертный грех, или смазливых педерастов, а хуже

всего была серая, самодовольная и уверенная в себе середина. По крайней мере так казалось Виктору, но только собственные наблюдения интересовали его по-настоящему. Что отличало его от других, удачливых и пресыщенных самцов? Он не находил существенных отличий. Причиной его ненависти к ним был только случай, сводивший их с глупыми и грязными существами, которыми он хотел обладать.

Но свою участь он разделил бы неохотно и не со всякой, а до конца не расстался бы с одиночеством никогда; он наслаждался им со страстью мазохиста и пил горькими глотками, как водку, ожидая, что скоро отпустит, но тогда, в тот вечер, не отпустило. И страдание было бесконечной струной, продетой сквозь сердце...

Самое смешное заключалось в том, что далеко не всякую сучку он захотел бы при ближайшем рассмотрении. Можно сказать, что гораздо большую жадность он питал к их душам, нежели к телам, упругим, гладким телам самых скользких из них — тех, которые знали, что он их хочет. Этих он ненавидел сильнее всего... Если бы у него было достаточно денег, Виктор, пожалуй, попробовал бы купить себе немного любви. Но денег всегда не хватало.

Таковы были вечерние кошмары, осаждавшие его сознание и крепко державшие своего раба в

цепких лапах, а днем это был человек более чем обычный, с мелким интересом к старинным безделушкам, никчемным, как осколки разбитых юношеских иллюзий, которые уже не слепишь воедино. Однако для себя он сделал бесполезность высшим критерием красоты и считал, что первая его настоящая возлюбленная (он еще не знал, кто это будет, — ведь все зависело от случайных обстоятельств) должна быть никому не нужной или хотя бы потерянной. В противном случае он усмотрел бы в ней пошлые мещанские черты, а это было для него хуже всего на свете.

В конце концов любовь все же настигла его, но она оказалась такой же ущербной и болезненной, как вся его жизнь. Он любил жену своего единственного близкого приятеля, которого не решался назвать другом, потому что по большому счету никто никому не был нужен. Их объединяли воскресные пьянки, летом — пикники, а сильнее всего — скука. Туман вечной скуки висел над городом, словно болотные испарения, вдыхая которые, дети становились стариками... Бывало, три человека сидели ночами, загипнотизированные медленно падающим дождем секунд и тихим скольжением карт, открывая рты лишь затем, чтобы произнести то, что было созвучно их усталым мыслям. Усталыми были их игры, усталой была музыка, усталой была даже похоть...

Виктор сам был немного удивлен, когда в один далеко не прекрасный день обнаружил, что тоскует по женщине, рядом с которой скучал так долго. Ему нужно было видеть ее, быть рядом, хотя он не знал — зачем. Им было не о чем говорить, и не осталось сил что-либо изменить. Все казалось лживым и пустым. Настоящими были только поцелуи, тепло двух тел и притяжение немых душ, заблудившихся в бесконечном лесу одиночества. Оба были пойманы в ловушку, о которой вначале не подозревали.

А потом было уже поздно.

* * *

Колдун Бо шевелил пальцами в ритуальной комнате своего обширного особняка, наблюдая за игрой двух золотых рыбок в аквариуме странной формы.

Рыбки скользили в зеленоватой мгле, предаваясь любовной игре, и их чешуя сверкала в пламени негаснущих свечей, расставленных вокруг аквариума. Точнее, в нем было три рыбки, но третью не освещал волшебный огонь, она оставалась в тени даже тогда, когда подплывала к стеклянной стенке и смотрела на колдуна Бо голубым и вполне человеческим глазом... Бо говорил с нею, он нашептывал ей заклинания, он

разматывал тонкую нить неведомой интриги.

Вскоре весь аквариум был доверху наполнен его ядом.

3. Ольга

С некоторых пор дневная суэта бесконечно утомляла ее. Она рано просыпалась и рано отправлялась спать. За исключением тех ночей, когда ей приходилось спать с мужем. Он смертельно надоел ей — чуть располневший и немного обрюзгший мужчина с кожей, потерявшей свежесть, и устойчивым табачным запахом. Он повторял заученные ласки (наверное, для того, чтобы не обидеть ее), и его любовь была похожа на скучную работу, которую он выполнял машинально, с опустошенной душой, безразличным умом и мыслями, блуждавшими где-то далеко от супружеской постели.

Но настоящим кошмаром ее жизни стала скучная, утомительная и бессмысленная служба в страховой конторе, поймавшая ее в ловушку безысходности. Она начинала в восемь, и к пяти вечера ее глаза были выжжены черными клеймами шрифта и ослепительно белыми пятнами бланков. Небольшая комната, в которой она сидела с тремя старыми девами, казалась ей тюремной камерой. Каждый день, за исключением выходных, они пили

чай в десять утра и три пополудни. Это продолжалось пятнадцать лет — всю ее молодость, — и будет продолжаться еще пятнадцать — значит всю ее жизнь... Иногда, слушая их безмозглое щебетание, она ловила себя на жутком чувстве — чувстве полной отстраненности, когда руки сами собой тянулись к увесистому пресс-папье или телефонному аппарату, черному, словно маленькое надгробие... Она закрывала глаза и почти с наслаждением рассматривала три трупа с раскроенными черепами, которые возникали на внутренних сторонах век подобно изображению, проступавшему на фотобумаге.

В контору она ходила пешком, пересекая три улицы и заброшенный парк. Это занимало тридцать пять минут, но издержки при пользовании общественным транспортом были гораздо большими. Она испытывала отвращение к толпе, к потным летом и мокрым осенью телам, сжимавшим ее со всех сторон, к смраду чужого дыхания и фразам, которые произносили перекошенные от ненависти рты.

Парк стал местом ее свиданий с Виктором, местом, идеально подходившим для этого (ее муж Александр никогда не бывал здесь). Правда, все удовольствие от встреч могли испортить группы подростков с опасными бритвами и велосипедными

цепями, иногда останавливавшие наивных прохожих и облегчавшие их карманы. Но до некоторых пор влюбленным везло.

Очень скоро их отношения зашли в тупик. Виктор был безнадежен, и она это прекрасно понимала. Зато у нее появился повод разойтись с мужем. Повод был нужен ей, чтобы испытать хоть какую-то решимость. Развод означал одинокую и тоскливую жизнь в слишком маленьком городке рядом с врагами, среди которых неизбежно оказались бы ее бывший супруг и любовник.

Она *предчувствовала* будущее так неоспоримо, словно была ясновидящей. Оцепенение, вызванное этим знанием, сковало ее. Жизнь пугала почти так же сильно, как смерть. Она замерла на одной нестерпимо высокой ноте...

4. Александр

Телефон зазвенел среди ночи, выхватив его из неясного сна. Он не был даже уверен в том, что слышал звонок; просто протянул в темноте руку и снял трубку аппарата, стоявшего на прикроватной тумбочке.

— Александр? — спросил безликий голос.

— Да, — машинально выдохнул он и открыл глаза. Лучи, бившие из фар проезжавших мимо дома машин, металась по потолку.

Голос в трубке не был ни высоким, ни низким, ни женским, ни мужским, ни мягким и ни хриплым, он был вообще *никаким*. Александр не мог представить себе существо, которому принадлежит такой голос.

— Жена должна быть красивой, сексуальной и глупой, — сообщил голос. — Она должна возбуждать тебя, но ты не можешь любить ее. В противном случае тебе будет очень больно, когда ты узнаешь об ее изменах. Жену не выбросишь, как сломанную игрушку. Если ты согла...

— Кто это? — спросил Александр — просто чтобы развлечься. Он понимал, что вряд ли теперь скоро заснет. Ему редко удавалось заснуть, когда что-то вдруг будило его среди ночи. Даже если причина была ничтожной или за пробуждением следовал секс. Он считал, что у него расшатаны нервы, но на советы побольше гулять перед сном он не обращал внимания.

— ...Если ты согласен с этим, то подумай: не слишком ли ты доверяешь своей лживой сучке? — грубо закончил голос и пропал.

Раздавшиеся в трубке гудки полностью вернули его к действительности. Если бы не гудки, он, возможно, забыл бы о голосе, как о причуде полусна. Но гудки были слишком конкретной деталью.

Дело в том, что он почти всегда отключал

телефон на ночь. С него было достаточно дневной головной боли. Он не поленился нагнуться и заглянуть под тумбочку. Конечно, телефон был отключен. Александр потрогал розетку рукой. Его ногти попали в углубления, предназначенные для штырей разъема.

Рядом зашевелилась Ольга.

— Кто это был? — спросила она спросонья.

— Спи! — раздраженно сказал он и потянулся за сигаретами. Не нашел их, выругался и отправился на поиски, не зажигая света.

* * *

В аквариуме колдуна Бо одна из рыбок отчаянно металась в жуткой полутьме между водорослями. Две другие были неподвижны. Сам Бо не спал. Белки его глаз и зубы сверкали во мраке. Он улыбался. Его правая рука покоилась на обнаженном теле спящего телохранителя.

5. Виктор

Спустя несколько дней обоюдное притяжение стало настолько сильным, что причиняло боль. Быть вместе и порознь казалось одинаково невыносимым. Зеркала рефлексии возвращали им чувство вины, отсутствие будущего, ощущение

приближающейся катастрофы.

Можно было убежать друг от друга, но не от себя. Поэтому они встречались снова после жестоких размолвок. Вскоре они уже не знали, чего между ними больше — привязанности или взаимной ненависти. Оскорбления сменялись жадными поцелуями и периодами безвременного затишья; только желание оставалось неутолимым.

Если бы не присутствие колдуна, все закончилось бы ничем. Волны быстро угасали в здешнем болоте; надежды превращались в пепел; время растворяло всякую тонкую материю вроде любви.

Бо изменил это к худшему. Рядом с ним даже человеческое непостоянство теряло свои лечебные свойства. Никто не мог очнуться от кошмара. Кошмар продолжался в каждом из доступных измерений.

* * *

Он не принадлежал себе. Банальность вроде той, которая гласит: «Есть вещи сильнее нас», казалась ему потрясающе верной. Это было единственное, что оправдывало его и хоть как-то объясняло последующие события.

Он вышел из кафе и, пошатываясь, отправился вверх по улице. Наступил промозглый мартовский

вечер. В весеннем ветре еще не было жизни — только тепло, превратившее снег в грязь. Где-то за плотной пеленой облаков пряталась полная луна...

Виктор долго бродил по городу, испытывая жажду и отвращение к себе. Сейчас даже в уличную драку он ввязался бы с радостью. Это отвлекло бы его хотя бы ненадолго, но в тот вечер тротуары были пусты.

Он и сам не заметил, как очутился возле дома колдуна. Впечатление было такое, что этот дом мог оказаться на любой из улиц; все дороги вели к нему. Впрочем, Виктор видел только забор и сумрачные ели в парке. Рядом с въездными воротами была решетчатая калитка, на которой висел бронзовый колокол с вычурной резьбой. Бронза позеленела от старости. Удивительно было, что эту вещь до сих пор не украли.

Виктор протянул руку к колоколу, но она замерла в воздухе. Из-за решетки на него смотрели тусклые глаза двух ротвейлеров. Псы, материализовавшиеся из темноты, стояли и ждали, готовые выполнить свою работу.

Виктор проглотил слюну и ударил в колокол. Звук оказался негромким и надтреснутым. Его нельзя было услышать в доме, однако через минуту в парке появился высокий человек с застывшим лицом, который, по слухам, являлся телохранителем Бо.

Не произнося ни слова, он небрежно скользнул взглядом по фигуре гостя, отворил дверь и, повернувшись спиной, пошел в сторону дома. Должно быть, Виктору давали понять, что он не представляет собой никакой угрозы. Сейчас он действительно был не опасен, особенно для Бо. Каким-то образом это почуяли и собаки. Когда Виктор осторожно пересек границу их владений, они отступили в темноту так же неслышно, как появились...

Он шел по длинной аллее вслед за телохранителем, и над ним струился ручей неба между темными берегами из еловых ветвей. Все вызывало тоску, даже неизвестно откуда взявшаяся мысль о том, что после этого визита небо никогда не будет для него прежним. Не было ощущения пространства; мягкий пресс из воздуха постепенно сдавливал Виктора, и он уже чувствовал, что дыхание становится затрудненным.

Он испытал облегчение лишь тогда, когда наконец вошел в дом. Все плыло перед глазами, как при сильном, но приятном опьянении. Он не фиксировал обстановку и не запомнил расположение дверей и коридоров. Правда, в его памяти остался очень дорогой проигрыватель компакт-дисков «Krell» и музыка группы Элиса Купера, исполнявшей «Black Juju».

Бо встретил его в огромной комнате,

погруженной в полумрак. Внутри круга из тусклых чадающих свечей поблескивало что-то круглое, но прежде всего внимание Виктора привлек сам колдун.

Бо был облачен в черный шелковый халат, расшитый лиловыми цветами, однако вовсе не выглядел нелепо. В его лице не было ничего восточного. Длинные пепельные волосы падали на плечи, невероятные розовые глаза были удивительно прозрачными, словно линзы. Вежливая улыбка чуть тронула его губы, когда гость приблизился к нему на расстояние вытянутой руки. Виктор посмотрел прямо перед собой и вздрогнул.

Вблизи лицо Бо было похоже на лунный ландшафт. Нос и надбровные дуги казались выступами на поверхности пыльного моря, гладкого и безжизненного. От него веяло чем-то чужим и отвратительным, будто из норы в земле...

Некоторое время Виктор умудрялся поддерживать вполне светский разговор. Бо не выразил ни малейшего удивления по поводу столь позднего визита и вообще по какому бы то ни было поводу. Жители этого города, как и жители других городов, приходили к нему в любое время и по гораздо менее важным причинам. Виктор сам не мог бы вспомнить, когда и почему прошептал на ухо колдуну свою просьбу, но не испытал при этом

ни стеснения, ни унижения, ни страха...

Бо выслушал его вполне равнодушно.

— Иди сюда! — приказал он, войдя в круг из свечей. Виктор подчинился и увидел почти круглый аквариум, в котором плавали золотые рыбки, вяло шевеля вуалями своих плавников.

— Лечение должно быть радикальным, — сказал Бо, наклоняясь над аквариумом и посыпая воду пеплом вместо корма. Впрочем, рыбки глотали и пепел. — Я покажу тебе выход и душу рыбки. Я знаю — сейчас ты не веришь мне, но это так.

Он разогнулся, и вдруг что-то случилось с его лицом — неуловимая перемена, почти сразу же сделавшая его похожим на женщину. Это «почти» было хуже всего.

Бо приблизился вплотную к остолбеневшему Виктору, затем их губы соприкоснулись... Чужой холодный язык пробежал по небу гостя, окончательно превратив его в статую. Плоть, прижимавшаяся к нему, была одновременно мужской и женской. Она пахла содомским грехом...

Лунный пейзаж с двумя розовыми озерами медленно вращался у Виктора перед глазами. Тихий бесполой голос шептал, увещевая:

— Даже у рыбки есть душа. Но она — всего лишь чернила, которыми можно написать сонет или ужасное богохульство... Чаще всего чернила

налиты в неподходящий сосуд... Теперь смотри, но не всматривайся, не думай, скользи...

Зеленый туман перед глазами показался Виктору иллюзией тьмы. Аквариум плыл в пустоте, словно аура вокруг несуществующей головы... За ним возник бледный человеческий силуэт. Потом, в одно остановившееся время мгновение, Виктор с невыразимым ужасом понял, что находится одновременно *внутри* и *снаружи* стеклянного сосуда, и то, что было снаружи, он, несомненно, видел круглым глазом рыбки.

...Оно долго смотрело на себя — существо с душой, обитавшей одновременно в двух телах, — пока колдун снова не перелил чернила. Когда он сделал это, человек с мокрой от пота спиной и стучащими зубами стал его рабом.

— Приведи его ко мне! — приказал Бо небрежно, и Виктор сразу понял, *кого* тот имел в виду. Его сердце болезненно и запоздало сжалось, предчувствуя беду. Для него... Еще для двоих... Для всех ничтожных...

* * *

Когда Виктор ушел, волоча ноги, словно зомби, колдун Бо вернулся к своему аквариуму. Его пальцы с длинными изогнутыми ногтями молниеносно вонзились в воду и схватили одну из

золотых рыбок... Он поднес ее к лицу и долго смотрел на открывающийся и закрывающийся рот, а потом поцеловал рыбку в твердые маленькие губки, чувствуя, как ее тело трепещет в его ладони. Может быть, от удовольствия...

Еще через секунду он откусил ей голову.

6. Ольга

Она лгала себе, думая, что пошла к Бо потому, что хотела иметь ребенка. До этого в течение десятка лет она перепробовала все средства, но приговор врачей был однозначным. Она не верила и в чудодейственные зелья колдуна-проходимца, кем бы он ни был на самом деле, однако обратилась к нему лишь затем, чтобы никогда потом не услышать от себя самой, что хотя бы один шанс не был использован. Она боялась упрека, грозившего со временем превратиться в пытку, которая сделает старость невыносимой...

Несуществующий ребенок был в ее мечтах чем-то вроде пропуска в иную жизнь. Трезвые размышления разбивали иллюзии, однако ее чувства не имели никакого отношения к трезвости. Виктор ненадолго заполнил пустоту, но лучше бы он этого не делал.

Она поняла, что у нее нет ни силы, ни жестокости, чтобы жить по-настоящему. Теперь она

желала только, чтобы кто-нибудь извлек ледяную иглу, застрявшую где-то под левой грудью...

Одна из ее подруг после посещения Бо обзавелась молодым любовником, который избавил ее от дурного настроения и навязчивых снов. У другой жизнь наладилась, когда на тот свет отправился ее престарелый родственник. За неделю до этого она тоже побывала в доме у колдуна.

Ольга считала это совпадениями, хотя внутри у нее едва ощутимо, трусливо и гадко вибрировало что-то. Вполне возможно, это была уродливая сестра надежды.

* * *

...Она находилась в доме колдуна, и тот угощал ее изысканнейшим обедом. Луна за высоким окном была единственным постоянным источником света. Курились благовонные палочки; плыл горьковатый дым; тихо звучала музыка «нью-эйдж»; экзотические плоды набухали светлым соком; кусочки пряного мяса трепетали, как живая плоть; брызги вина превращались в блестящих насекомых, роившихся над столом искрящимся облаком. Пальцы Бо, красивые и отталкивающие, скользили в воздухе, отражаясь в хрустальных гранях бокалов, и играли на сотнях невидимых струн. Камни, названий которых Ольга не знала,

источали гипнотическое сияние. Скелет рыбки, очищенный Бо у нее на глазах, превратился в его руках в маленькую скульптуру из кости и одновременно — в реликт доисторической эпохи. Голубой шар Земли плыл сквозь ночь к несуществующим берегам... Мир медленно смещался в сторону жутковатой сказки, где, с одной стороны, были возможны чудеса, а с другой — теряли значение непреложные правила, которых Ольга придерживалась всю свою жизнь.

Вскоре Бо уже сидел рядом и кормил ее из своих рук. Она слепо доверилась ему, и он ласкал ее губы и язык гладкими твердыми плодами. Потом, когда она раскусывала их, они обжигали рот пенящейся жидкостью, которая наполняла ее сладкой истомой. Только на мгновение в голове у Ольги возникла мысль, что она, должно быть, выглядит со стороны просто смешно — тридцатипятилетняя женщина, добровольно увязшая в паутине маньяка. Однако сейчас ее видел только колдун, а колдун если и смеялся, то над самой человеческой сутью, но не над собственным спектаклем...

Она оказалась на ковре, и Бо продолжал играть с нею. Ковер превратился в сотню ангорских котов, которые выглаживали ее кожу своей шерстью. Ленивые и сладострастные животные шевелились под Ольгой, не причиняя беспокойства,

а только массируя и расслабляя тело...

Она увидела в руках у Бо инструмент любви, сделанный из кости, с венцом из розовых камней. Длинные волосы колдуна на секунду закрыли его лицо. После этого Ольга увидела женщину, склонявшуюся над ней. Мягкие губы прикоснулись к ее губам с невыразимой, щемящей нежностью, которая утомила ее в тысячу раз сильнее, чем страсть. Не осталось ни сил, ни желаний, ни сомнений...

Костяной инструмент вошел в нее, как ледник вползает в долину, подчиняясь некоей отвлеченной механике соития, наполняя низ живота холодом, в котором замерзало что-то по-настоящему живое... Она закрыла глаза и увидела незнакомые звезды, метавшиеся на ее внутреннем небе. Она слышала, как рядом шевелится то, что называло себя «Бо», но *оно* не дышало...

Потом была звенящая пустота среди хрустальных стен, словно во дворце Снежной Королевы. Колдун выпил ее до дна, очистив сосуд для своих «чернил». Ими будет написана последняя глава в ее жизни, но она еще не знала об этом. То, что казалось чудовищным, стало обыденным, а обыденное больше нельзя было вынести. Главное, Ольга поняла (вернее, Бо вложил в нее это): чтобы получить вождеденное, надо от чего-то безжалостно избавиться.

Избавление заключалось в маленькой изящной бутылочке из дымчатого стекла, закрытой притертой пробкой. Бо вручил бутылочку Ольге, и она понимающе улыбнулась тому, кто на время спас ее от серости существования...

Она вернулась домой в середине ночи. Город казался враждебным лабиринтом, в котором ей предстояло увидеть завершение решающей интриги. Впервые она не испытывала тоски по несбыточному. Тоска была слишком человеческим чувством.

* * *

Колдун внимательно всматривался в подсвеченный аквариум. На лилово-зеленых листьях водорослей мерцал какой-то налет, похожий на россыпь мельчайшего бисера... Бо удовлетворенно улыбнулся.

Одна из его золотых рыбок отложила икру.